

8 афиша

Буква тирана

АННА НАРИНСКАЯ О СБОРНИКЕ «ДИКТАТОРЫ ПИШУТ»

Энергия, которая скатывала великие исторические лавины религиозного и политического толка, праисконно была лишь волшебной силой произнесенного слова. Широкие народные массы подвластны лишь насилию речи

Адольф Гитлер
«Моя борьба», 1924

...Но вместо величия славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли

Иосиф Сталин

Чингисхан в свое время был
взласкан судьбой.
Что умел он? Орлов настигать
стрелой.
Все прошло.
Чтоб узнать настоящих людей,
Заглянуть надо в нынешний день

Мао Цзэдун
«Снег», 1936

Тиранья одиночки — самый жалкий вид тирании, ведь в конечном счете деспот — одиночка, которого может устранить община... Но тиранья масс — самая суровая тиранья, ибо кто противостоянет сокрушительному потоку, слепой неодолимой силе?

Муаммар Каддафи
«Бегство в ад», 1993

В ПРЕДИСЛОВИИ описывается встреча Радована Караджича и Эдуарда Лимонова в горах над осажденным Сараево (знаменитый документалист Павел Павликовский снимал президента Республики Сербской и его гостя для своего фильма «Serbian Epics»). Поэт Лимонов развлекается, выпуская в воздух очереди из автомата, а зачинщик массовых убийств Караджич рассуждает о своих стихах — о том, что в них он давно предугадал борьбу за Сараево и что вообще в них есть «нечто от пророчеств». В принципе, эта картина представляет собою претворение в жизнь идеи авангардистов о слиянии искусства с действительностью, а говоря точнее — революционного искусства с революционной действительностью (если

«КАНОНИЗИРОВАННОЕ»
ТВОРЧЕСТВО
ДИКТАТОРОВ —
ЭТО ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ФОРМУЛА РЕЖИМА

революцию понимать как насильственное преобразование в принципе). Поэт, мыслящий себя тираном, и тиран, мыслящий себя поэтом, даже не то чтобы меняются ролями, а сливаются практически до неразличимости. (Комический элемент, который, безусловно, присутствует в этой сцене, нивелируется знанием о том, что за время обстрела Сараево погибло больше 10 тысяч человек.) Абсолютно литературную законченность этому эпизоду придает тот факт, что немногим более 10 лет спустя, при подготовке доказательной базы для международного трибунала, лирика Караджича совершенно серьезно обсуждалась как свидетельство его преступлений. Тех, которые он успел совершить, и, главное, тех — которые нет. Потому что, утверждали юристы (заметим, не литературоведы), он сам и занимался осуществлением одних своих поэтических пророчеств — а значит, будь у него возможность, осуществил бы и другие.

Перо диктатора оказывается приравненным даже не к штыку, а к пулеметной очереди. Причем не только и не столько тогда, когда оно подписывает расстрельные списки, а скорее, когда выводит вдохновенно художественные строки. Книжка «Диктаторы пишут» — про такое писательство и таких писателей. Сборник составлен профессорами университета Констанца Альбрехтом Кошорке и Константином Каминским. Они заказали статьи авторам самой разной степени известности — в том числе таким прославленным персонам, как Славой Жижек и Боян Манчев. А также поместили туда знаменитое эссе Томаса Манна «Братец Гитлер». Насчет присутствия здесь этого текста есть, конечно, соблазн высказаться как-нибудь остроумно: вспомнить, например, Николая Гумилева, посоветовавшего Ахматовой вставить в ее первый сборник стихотворение «Анчар», чтобы повысить общий уровень книги. И, да, с этой художественной задачей «Братец Гитлер», конечно, тоже справляется, но важнее другое. Персонально выстраданное обличение «неприятного и компрометирующего братца» и остальные отодвинутые-аналитические тексты книги — в том числе о литтворчестве совсем близких к нам во времени Муаммара Каддафи, Саддама Хусейна, Сапармурата

